

**Нина Ивановна Гаген-Торн —
ученый, писатель, поэт**

Жить — для меня значит что-то сделать,
вложить себя в поток человеческой культуры.

Н. И. Гаген- Торн

Нина Ивановна Гаген-Торн (1900—1986), плоть от плоти пиетерской служилой интеллигенции, этнограф, мыслитель, поэт, литератор — женщина незаурядного ума, воли, характера, да и внешности тоже — прожила долгую, трудную, но яркую жизнь.

«Этнограф, что называется, милостью Божьей, — пишет о ней А.М.Решетов, — хотя, пожалуй, не было такой области человеческих знаний, культуры, которые бы не заинтересовали ее по-настоящему, глубоко и серьезно»¹.

Все ее ипостаси — грани одного кристалла, рассматривать лишь одну какую-нибудь — делать объемное плоским. Она была сильным и смелым человеком, смелым физически и духовно. Помню, еще в детстве она внушала мне, что самая большая смелость — это смелость мысли. И этой смелостью она обладала вполне. Что бы ни составляло предмет ее размышлений, ее соображения всегда были новыми и часто неожиданными. Она писала, что ее старший друг и учитель — писатель, поэт и теоретик символизма Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый) умел показывать мир разными гранями, играя им, как гранями кристалла, показывая Неведомое. Такой же многогранностью, но иначе направленной, обладала и она. Очень многое из впервые высказанного ею кажется сейчас общеизвестным, автор забыт. Но тогда это казалось новым и воспринималось с осторожностью, если вообще воспринималось.

Такой человек просто не мог не попасть в лагерь. И она была там дважды, оба срока по пять лет (первый пересидела — получилось шесть), да вдобавок ссылка на Енисей после второго срока.

Родилась Нина Ивановна в Петербурге. Выписка из церковной книги за 1901 г. «церкви Смоленская Божия Матери, что при Императорской Военно-Медицинской Академии», храня-

шаяся в моем архиве, гласит: «Декабря 2-го рождена, а Февраля 3-го крещена Нина. Звание, имя и фамилия родителей: ассистент хирургической клиники, надворный советник Иоанн Эдуардович Гаген-Торн и законная жена его Вера Александровна, он лютеранского, а она православного вероисповедания, оба первым браком».

Предки Нины Ивановны, начиная с прадеда, шведского дворянина Дэвида Гаген-Торна, бежавшего в Россию после какой-то дуэльной истории, почти все были медиками или военными инженерами. Российское дворянство имели хотя бы в силу своих чинов: надворный советник, статский советник, тайный, действительный тайный. В ежегодных справочниках «Весь Петербург» их встречается много: дед Нины Ивановны кронштадтский «одноногий доктор» Эдуард Давыдович и все многочисленные дяди — семья была большой. В справочнике за 1917 г. значится и Иван Эдуардович Гаген-Торн, действительный тайный советник, профессор Военно-медицинской академии, заведующий хирургической клиникой барона Виллие, консультирующий хирург Крестовоздвиженской общины и Управления железных дорог.

Нина выросла на берегу Финского залива. С младенческих лет ее семья каждое лето проводила в лоцманском селении Лебяжье, в двадцати верстах от Ораниенбаума, один год (1906) — в Куоккале, а с 1910 г. — в Приморском Хуторе (ныне часть поселка Большая Ижора). Старый деревянный дачный дом стоит до сих пор. Здесь прошли детство и юность Нины. Она залезала на сосны в дюнах, ездила верхом, ходила в море на байдарке, к ужасу теток, старших сестер отца, пытавшихся опекать семью младшего брата. И закалка этой вольной мальчишеской жизни, крепкое физическое и нравственное здоровье очень помогли ей в дальнейшем, в ее трудной судьбе. «Для меня детство встает из запаха сосен, вереска, солоноватой воды Финского залива, — писала она. — В городе для меня почти не чувствовалось жизни...»².

Еще в детстве Нина Ивановна близко познакомилась с жизнью и бытом ингерманландской деревни: в километре от Приморского Хутора была финская деревня Сагомиле, а рядом, на другом берегу речки, ижорская деревня Большая Ижора с церковью и начальной школой. Ижорцы — православные, говорят по-русски, а сагомилецы — лютеране, говорят по-фински. Отец Нины Ивановны всегда бесплатно лечил крестьян обеих деревень, а в экстренных случаях ездил по вызову в деревню. И очень часто его сопровождала Нина — «ассистентик мой будущий». Семью хорошо знали в округе. Не случайно одна из первых печатных работ Нины Ивановны посвящена описанию бабьего праздника у ижор³.

Были и поездки с родителями за границу: Италия, Швейцария, Германия, Франция. На о. Капри посетили Максима Горького (сохранились воспоминания о детских впечатлениях от этой поездки, но больше всего запомнился не сам Горький, а жившая у него полуручная ворона).

А в городе была гимназия. «Сначала либеральнейшая, с оттенком демократизма гимназия Стоюниной, — вспоминает Нина Ивановна. — Ходили все девочки в голубых сатиновых халатах и легких тапочках, которые оставались в гимназии. Преподавали великолепные учителя: Н.О.Лосский, муж дочери Марии Николаевны Стоюниной, читал в VIII классе логику, а Ив.Ив.Лакрин — психологию. Стоюнинки гордились своей гимназией и своей свободой общения. Детей не стесняли»⁴.

Затем семья переехала на Бассейную улицу, в «кадетскую крепость», как называли эти кооперативные дома, где жила обеспеченная профессорская интеллигенция. Иван Эдуардович стал к этому времени профессором Военно-медицинской академии, а дочь была переведена в гимназию княгини Оболенской, менее либеральную, но не менее серьезную педагогически. Как свидетельствует сама Нина Ивановна, в гимназические годы закладывалось то, что «стало потом фундаментом моей молодости, ее трудностью и ее силой. Пожалуй, это было чувство свободной уверенности в себе, в праве быть самим собой и идти своим путем, обязательно раскрывающим впереди горизонты»⁵.

Зимой 1916—1917 г. среди учащихся возник свой союз — Организация средних учебных заведений — ОСУЗ. И хотя ОСУЗ, как вспоминает писатель Лев Успенский, «вполне закономерно оказался мильным пузырем, организацией липовой, игрушечной, временной, не намного пережившей Временное правительство»⁶, роль его в личной жизни членов Управы оказалась чрезвычайной. В Управу этого союза и вошла Нина. А на следующий год, когда восьмиклассники окончили школу и ушли, «осенью была избрана вторая Управа ОСУЗа... Председательницей новой Управы оказалась белокурая, голубоглазая, решительная Нина Г., дочка известного военного хирурга... Девушка решительная и категоричная в суждениях, быстрая если не "на руку", то на словесное воздействие на управцев, да к тому же обладавшая весьма на них влиявшей внешностью, Нина Г. тогда напоминала то ли персонаж из скандинавских саг и преданий — юную кайсу, то ли этакую григовскую Сольвейг»⁷.

Еще немного об ОСУЗе. По словам того же Успенского, Управа первого созыва пыталась стоять на чисто академической платформе: «Мы учащиеся. Чтобы разобраться в политических задачах, нам надо прежде всего закончить образование. Это —

Н. И. Гаген-Торн—
гимназистка выпускного класса. 1916 г.

единственное, чем мы можем принести пользу народу». Второй созыв Управы был значительно левее. Политической платформы не было, впоследствии некоторые осузовцы стали левыми эсерами, некоторые — большевиками, а кое-кто и кадетами⁸.

Возвращаясь к записям Нины Ивановны: «Сложнее и труднее у интеллигентских подростков, сплошь интеллигентских, даже рафинированно интеллигентских, проходил этот переход от Старого мира в мир Неведомый. О, конечно, мы с радостью расстapтывали Старый мир, мы были уверены, что будем создавать социализм. Но создавать на парламентский манер, своими ин-

теллигентскими руками... Я усердно топила... печь в каком-то холодном классе, где была наша база, и "входила в контакт с организацией учителей". Они были растеряны, старые и глубоко деликатные в своих проявлениях интеллигентны... А мы не были растеряны: мы наслаждались стремительностью шторма и организованностью своих выступлений. Мы не вполне знали, за что следует бороться, но были восхищены своей организацией, правом выпускать газету "Свободная школа", своей шестнадцатилетней зрелостью»⁹.

Наряду с общественными были духовные интересы. Предреволюционной зимой 1916—1917 г. Нина увлеклась философией Владимира Соловьева. Произошло это так: «Отец мой, как полагалось просвещенному медику и кадету, был атеистом. А я, по исконной традиции русской культуры, довольно рано стала искать выхода в антитезу. Это — обычное явление русской культуры: "отцы и дети". Но, воспитанная в атеизме семьи, уже к двенадцати годам я к церкви относилась скептически, а к Закону Божьему, преподаваемому в гимназии, тем более. В нашем классе было просто плохим тоном всерьез относиться к урокам Закона Божьего. Не помню, в шестом или седьмом классе появился у нас новый законоучитель отец Иоанн Егоров. Он знал, конечно, об отношении к его предмету... Трудно, вероятно, приходилось отцу Иоанну. На кого опереться? И верно, был он не только образованный, но и неглупый, не склонный к рутине человек. Не знаю уж как, но он все же сумел найти подход и однажды, не без труда преодолевая вежливый, но явный скептицизм, начал рассказывать нам о работе Владимира Соловьева "Три разговора"... Он так пересказал нам эти "Три разговора", что мы сидели, затаив дыхание, забыв все, видя только блистательные образы "доктора Паули" и "белого, как свечка, отца Иоанна". Батюшка назвал нам и имя автора — Владимир Сергеевич Соловьев, профессор университета»¹⁰.

Вскоре с визитом пришла пациентка Ивана Эдуардовича и, узнав, что Нина интересуется Владимиром Соловьевым, подарила к Рождеству собрание сочинений этого философа. «Я набросилась на "Три разговора". И — вступила в неведомый мир. Бессознательно, бунтарски мне был неприемлем отцовский позитивизм, не устраивали предлагаемые мне услужливо Бокль или Спенсер и... разговоры достопочтенного Петра Бернгардовича Струве, бывавшего у нас дома»¹¹.

Затем наступило увлечение Блоком. «Летом 1916 года Виталий Бианки дал мне томик Блока, а его старший брат, Анатолий Бианки, — нелегальные брошюры. Блок был, безусловно, важнее и

интереснее. И он сразу, еще бессознательно, был угадан в сиянии Соловьева»¹².

Весной 1918 г. школа была окончена, и осенью Нина поступила в Университет, на отделение общественных наук. «...Мне казалось самым насущным, — вспоминает она, — начать с изучения развития общественных форм, социологии, с изучения марксизма. Все это не было еще обязательным, никто не заставлял нас изучать Карла Маркса, и Ленин еще не считался Римским папой новой религии... С.И.Солнцев читал нам курс происхождения классового общества, В.В.Светловский вел семинар по родовому обществу. Я посещала этот семинар. Он хранил еще старые традиции семинарских занятий... Топилась большая изразцовая печь, и служитель, бритый старик в потертом вицмундире, вносил огромный медный самовар и расставлял стаканы... Медленно умирала старая, налаженная университетская жизнь»¹³.

Центр университетской жизни переместился в общежитие. Оно отапливалось дровами, добытыми в ночных набегах на баржи и заборы Васильевского острова. Бывшие осузовцы поселились коммуной в общежитии. В больших угловых комнатах читались лекции, в остальных жили студенты. В кухне вечером вдоль плиты выстраивались ряды чернильниц и маленьких бутылочек с фитильками и колбочками сверху. Это называлось «лампиион».

«Лыжи были самым удобным сообщением в городе: трамваи не могли пробиться через снежные сугробы, а о других способах сообщения просто забыли... Изредка с грохотом пролетали грузовики. По строго правительственным нуждам»¹⁴.

Но были лекции и концерты, о чем объявляли наклеенные на тумбах и заколоченных витринах афиши. И полуголодные студенты стайками бегали на них. В конце 1919 г. возникла Вольфила — Вольно-философская ассоциация (вначале — академия), открытая для всех желающих. Там читали лекции, делали доклады, вели семинары известные деятели науки и культуры — математик Чебышев, художник Петров-Водкин, Блок, Андрей Белый и многие, многие другие. Наткнувшись случайно на афишу, объявлявшую о лекции Андрея Белого, Нина пошла на нее и стала непременной участницей всех его лекций и семинаров.

«Как передать впечатление от Андрея Белого? — свидетельствует она. — Первое впечатление: движения очень стройного тела в темной одежде. Движения говорят так же выразительно, как и слова. Они полны ритма. Аудитория самозабвенно слушает ворожбу»¹⁵. Нина стала ученицей Андрея Белого. Ученичество перешло в дружеские отношения, продолжавшиеся до самой смерти Андрея Белого.

Интерес к философии не пропал. Нина Ивановна участвует в философском семинаре профессора Э.Л.Радлова, обычно проходившем в здании Публичной библиотеки, где он был директором. Единственная девушка из десятка студентов — участников семинара, она интенсивно штудировала сочинения Владимира Соловьева, «Критику чистого разума» Канта. Нина Ивановна не раз вспоминала неповторимую атмосферу этого семинара, на котором дискуссии перемежались воспоминаниями Радлова, блиставшими «то строгостью философских формулировок, то искрами соловьевского юмора». «Не было места молчанию, — добавляет она, — каждый торопился вступить в это царство. Я, захлебываясь азартом, ныряла туда»¹⁶.

А в общежитии, в той коммуне, к которой принадлежала Нина, процветал «Снарк». Так, по Джеку Лондону, называлось полшуточно-полусерьезно студенческое общество, кружок-корабль, плавающий «по земле, под землей, по воде, в воздухе и безвоздушном пространстве». Велся судовой журнал, куда записывалась тема «путешествия», и «дежурный рулевой» вел корабль — ставились вполне серьезные доклады о последних достижениях науки в той области, которой занимался «рулевой»: генетике, этнографии Японии, строении Земли, теории относительности. Были вопросы, дискуссия, а затем шуточная интерпретация услышанного, дурачества и чтение стихов до утра. Через две-три недели подготавливался новый доклад.

К началу НЭПа коммуна распалась. Был голод. Нина уехала на дачу, в Ижору, возделывала огород, вела документацию в артели рыбаков и преподавала в Большеижорской начальной школе, о чем сохранились архивные справки.

Зимой следующего, 1920/21 г., вернулась в Университет. Тогда и пришла в этнографию. Но слово ей самой: «В двадцатые годы посещение лекций в Ленинградском университете было свободным: если лектор пользовался успехом, его лекции посещали и студенты чужих факультетов. Ходили слушать блестящие выступления профессора Тарле, эстетическую философию профессора Карсавина, иногда историки дерзали ходить на биологический факультет, слушать профессора Ухтомского... Я училась на экономическом отделении ФОНа (Факультет общественных наук). Простудировав в семинаре "Происхождение семьи, частной собственности и государства" Энгельса, ознакомившись с Морганом, решила слушать курс введения в этнографию. Читал его профессор Л.Я.Штернберг. Нашла аудиторию, вошла. Аудитория была полна. Заняв все скамьи, студенты сидели, шумно переговариваясь, но сразу же смолкли, когда на кафедру взвошел профессор.

Худой, как бы обугленный внутренним горением, старик разложил кипы исписанных карточек и поднял глаза. Минуту пристально смотрел на нас сквозь очки, потом начал говорить:

— Многие совершенно не представляют себе, что без этнографии, без ее данных, классификации и обобщений нет и не может быть науки о человечестве, его культуре, пространстве и времени. Проще говоря, невозможна ни наука, которая именуется историей, ни такая дисциплина, как социология... Величайшая заслуга этнографии в том именно, что она впервые установила конкретное представление о человечестве в целом. Это она, если можно так выразиться, впервые сделала переключку всех народов планеты...

Он наклонился к своей картотеке, чтобы привести цитаты, доказывающие его мысль. Близко поднося их к очкам, читал, покашливал, перебирая листочки. Он не был оратором, слегка заикался. Слушать его было нелегко, записывать — также.

Я удивилась: что привело сюда всех этих студентов? Почему они слушали, не отрываясь, напряженную и деловитую речь Штернберга? И вскоре поняла, что перед нами — не академическая лекция, а дело жизни этого человека. В этнографию он вкладывал всю свою волю и страсть. Это ощущалось всеми и не могло не зажигать...»¹⁷.

Несколько лекций — и начинающий экономист Нина Гаген-Торн стала убежденным этнографом. Учителями были Л.Я.Штернберг, В.Г.Богораз, Д.К.Зеленин. Прежде всего Штернберг. Его памяти посвятила она одну из немногих изданных при жизни книг¹⁸, его портрет висит в кабинете ее старого ижорского дома. Штернберг учил: «За историю обычно принимали отрезок в 4—5 тысяч лет, относящийся к народам Европы и Средиземноморья. Другие народы считались неполноценными, дикарями... Дикарей нет! У всех есть своя культура, достойная внимания и уважения. Каждый народ что-нибудь дает для человечества»¹⁹. Он считал, что нельзя изучать какой-либо народ наскоком, по расспросным данным, тем более через переводчика. Этнограф должен войти в его быт, прожить среди народа, как делали это он сам и Богораз. А его десять заповедей этнографа не потеряли своей актуальности и спустя десятилетия:

«1. Этнография — венец всех гуманитарных наук, ибо она изучает всесторонне все народы, все человечество в его прошлом и настоящем.

2. Не делай себе кумира из своего народа, своей религии, своей культуры. Знай, что все люди потенциально равны: несть ни эллина, ни иудея, ни белого, ни цветного. Кто знает один народ — не знает ни одного, кто знает одну религию, одну культуру — не знает ни одной.

3. Не профанируй науки, не оскверняй этнографию карьеризмом: настоящим этнографом может быть только тот, кто питает энтузиазм к науке, любовь к человечеству и человеку.

4. Шесть дней работай, а седьмой — подводи итоги. Помни свой долг перед общественностью и наукой.

5. Почитай великих предшественников, учителей в научной и общественной жизни, дабы и тебя чтили по заслугам твоим.

6. Не убивай науки фальсификацией фактов, поверхностными, неточными наблюдениями, скороспелыми выводами.

7. Не изменяй раз избранной специальности — этнографии. Кто раз вступил на путь этнографии, не должен сойти с него.

8. Не чини плагиатов.

9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего, на другие народы, на их характер, обычаи, нравы и т.д. Люби ближнего больше самого себя.

10. Не навязывай насильно исследуемому народу своей культуры: подходи к нему бережно и осторожно, с любовью и вниманием, на какой бы ступени культуры он ни стоял, и он сам будет стремиться подняться до уровня высших культур»²⁰.

В.Г.Богораз — как и Штернберг, ссыльный народоволец — этнограф, журналист, писатель, привез в Петербург из сибирской ссылки кроме научного (трехтомная монография по чукчам на английском языке) еще и литературный груз: очерки, рассказы, стихи, роман и неумную жажду деятельности. Богораз читал лекции и вел активнейшую научно-организационную работу, в частности организовывая экспедиции и практику студентов. Нина Ивановна вспоминает: «Он входил в аудиторию, круглый, как шар, волоча за собой полосатый большой мешок вместо портфеля... Голубые глаза его задорно сверкали. Он вел лекцию-беседу, перемежая научные выводы рассказами, от которых зал грохотал смехом... На семинаре, предлагая сделать доклад, говорил: "Не забывайте, что нельзя рассчитывать на память, она подменяет факты. Каждый факт имеет законные 25% лжи. Но старайтесь, чтобы не больше..."»²¹.

Богораз и Штернберг интересовались не только занятиями студентов, но и их жизнью: помогали найти работу нуждавшимся, принимали горячее участие в бедах и радостях общежития, вплоть до отправки больных студентов в какой-нибудь район, где можно было подлечиться — за собственные, профессорские, деньги.

Д.К.Зеленин «входил в аудиторию гладко выбритый, в белых туфлях... Поклонившись, приступал к изложению плана лекции. Он любил, чтобы лекции были четко записаны студентами... Д.К.Зеленин возвышался на кафедре в непоколебимой академи-

ческой твердости. Он требовал ее и от студентов. Юмор и романтику вытеснил планированный труд... Дмитрий Константинович предложил студентам проштудировать литературу и начать самостоятельно работать с первоисточниками в архиве Географического общества... Месяцы проводил студент над изучением архивов. Дмитрий Константинович периодически просматривал сделанное, давал советы и... предоставлял полную свободу выводов... "Науке разногласия полезны, даже необходимы, — говорил он. — Этим движется научная мысль"»²².

Нина с головой ушла в этнографию. С 1922 г. начались ее первые экспедиции. Начались с поездки на русский Север, к поморам. Собственно говоря, это была еще не настоящая практика — первая проба пера, сбор материалов из жадности ко всему неизвестному, неуемного любопытства к миру и к людям, его населяющим. Поработав на Мурмане, узнала, что у одного старика старообрядца есть старинные рукописные книги. Но оказалось, что старик уехал к дочери на Чердынь. Одна, без денег, поехала туда, но выяснилось, что старик недавно умер, а из его бумаг мальчишки сделали змеев.

Последующие экспедиционные выезды были уже началом многолетней серьезной работы по этнографии народов Поволжья.

К 1924 г. экзамены и зачеты, сданные студенткой Гаген-Торн по индивидуальному плану (тогда еще существовали такие вольности), ближе всего подходили к программе экономического отделения Факультета общественных наук, и ей предложили получить диплом об окончании этого факультета. Начинались строгости. Диплом был получен. Занятия этнографией продолжались. В 1926 г. вышла из печати ее первая научная работа, рассказывающая о свадьбе в Моршанском уезде Тамбовской губернии²³, и, почти одновременно, книжечка стихов для детей²⁴.

В 1923 г. Нина Ивановна вышла замуж за бывшего осузовца Юрия Шейнманна, впоследствии ставшего крупным геологом, доктором наук, заслуженным деятелем науки. В 1925 г. у Нины Ивановны родилась одна дочь, в 1928 г. — вторая. Еще будучи студенткой, она работает лектором Губполитпросвета. В моем метрическом свидетельстве, выданном в 1925 г., записано: «Отец — студент, мать — лектор».

В 1926 г. по предложению Д.К.Зеленина она поступает в аспирантуру ИЛЯЗВ (Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока) по фольклористике и учится там с 1927 по 1930 г. В ее бумагах сохранилась справка из архива Академии наук о плане семинара по материальной культуре народностей Поволжья 30 декабря 1929 г. с подписью Д.К.Зеленина.

В эти же годы она состояла младшим научным сотрудником ГАИМК, где под руководством П.П.Ефименко принимала участие в Средне-Волжской экспедиции²⁵. К этому времени относятся ее публикации о работе в Чувашской республике²⁶ и уже упоминавшаяся о бабьем празднике у ижор²⁷.

В 1930—1932 гг. семья жила в Иркутске, куда Геолком направил ее мужа Ю.М.Шейнманна. Нина Ивановна работала в Обществе изучения производительных сил Восточной Сибири и секретарем научно-исследовательского съезда этого региона²⁸. Судя по сохранившимся письмам, была крайне недовольна мелочностью и провинциализмом обстановки. В это время тяжело заболел и вскоре умер отец Нины Ивановны, хирург, главврач, схвативший крупозное воспаление легких при пожаре в больнице. Нина Ивановна уехала в Ленинград, затем туда же вызвала детей. Семья распалась по взаимному согласию супругов в соответствии с воззрениями на брак, имевшими тогда хождение среди молодой советской интеллигенции.

В 1931—1932 гг. она преподает географию, русский и остяцкий языки в Институте народов Севера. А.М.Решетов деликатно пишет, что потом она была отчислена, как оставшаяся без поручений на следующий год²⁹. У меня сохранились ее неопубликованные записки совсем о другом, но там есть такие строки: «Я искренне верила, что выдумка Богораза создать в Ленинграде Институт народов Севера и загнать в него наиболее передовую молодежь из малых народов Севера, чтобы они стали "вожаками в культурном росте своего народа", поистине благая затея. Их надо было завести в Ленинград, надо было обучать, и ошибка заключалась в том, что это обучение шло недостаточно продуманно, мало считаясь с их особенностями... Людей из отдаленных районов Сибири, из жизни тайги и лесного воздуха привезли в большой город. Закрыли в общежитие, устроенное в Александров-Невской лавре... заставили сидеть на уроках 6 часов. Кормили питаньем абсолютно непривычным: кашами, картошкой, щами с очень малым количеством мяса. Они с огромным трудом привыкали к этому режиму и безвылазному сиденью на уроках. Я пыталась доказывать, что это невероятно жестоко, но Ян Петрович Кошкин (этнограф все-таки!) считал это естественным процессом. Шли заболевания, отсеивался "неизбежный процент слабосильных". Когда начинали харкать кровью или нервно заболевали — их отправляли обратно...» Эти строки написаны спустя сорок лет. Даже учитывая богоразовские «неизбежные 25% лжи», чувствуется накал разногласий! А я отлично помню этих северных студентов, очень милых парней. «Нина, твои эскимосы пришли!» — возглас бабушки и мамино возму-

шенное: «Не эскимосы, остяки!» Как они радовались нашим двум лайкам!

Уход из Института был неизбежен. С ноября 1932 г. Нина Ивановна — научный сотрудник Института по изучению народов СССР АН СССР, а после создания на его базе Института антропологии и этнографии (ИАЭ) СССР она становится научным сотрудником этого нового академического этнографического учреждения. Здесь Нине Ивановне поручили работу в этнографической секции Института, в частности в группе материального производства, назначили секретарем редакции справочника «Народы СССР», а с ноября 1933 г. перевели в отдел Сибири и Северной Европы для научного описания коллекций отдела. Одновременно заведующий кабинетом Сибири В.Г.Богораз поручил ей составление библиографии по осякам³⁰.

В тридцатые годы Нина Ивановна много и интенсивно работает: занимается орнаментом, магией цвета, оберегами, шаманизмом, собирает большой материал по материальной культуре народов Поволжья. Печатается. Самая серьезная из работ этого периода — «Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах Восточной Европы»³¹, вошедшая впоследствии в ее кандидатскую диссертацию. Опубликована статья по методике изучения одежды³². Как считает А.М.Решетов, это «классические работы, не потерявшие своего значения и в наши дни»³³.

На время отошло юношеское увлечение поэзией. Было только несколько настоящих, глубинных встреч с Андреем Белым, когда Нина Ивановна рассказывала ему о магическом значении цвета и орнамента, что не могло не заинтересовать собеседника, занимавшегося орнаментом в студенческие годы. Состоялся интересный для обоих разговор о шаманстве. Рассказ о камлании сибирских шаманов был воспринят Андреем Белым как антропософский путь в иные миры³⁴. Последняя встреча была незадолго до его смерти, в сентябре 1933 г. Они гуляли по Ново-Девичьему кладбищу, посетили могилы Соловьевых, и Белый рассказывал о них и о своей юности. А затем — похороны Андрея Белого. Его памяти Нина Ивановна посвятила впервые публикуемое стихотворение, которое хранится в моем архиве:

Умер. Положили на дроги,
Долго везли мостовыми...
Сожгли... И немногие
Помнят самое имя.
А был он такой, что Вселенную
В тонкой держал ладони...
Травы над ним смиренные
Спины зеленые клонят.

К 1936 г. была в основном написана кандидатская диссертация. В нее вошли упоминавшиеся ранее работы и работы последних лет.

«В мае 1934 г. она заключила с Институтом договор на подготовку работы "Эволюция женской одежды Восточной Европы" (15 а.л.), в апреле 1936 г. — на подготовку другой монографии — "Бессермяне" (5 а.л.)... В период 1 апреля 1934 — 15 марта 1935 г. [Нина Ивановна] — секретарь журнала "Советская этнография". Ее активность проявлялась... на всех участках научно-исследовательской, музейной, научно-организационной работы. Ее поддерживал директор Института Н.М.Маторин, ведущие ученые В.Г.Богораз, Д.К.Зеленин, Е.Г.Кагаров и др. Сегодня можно, обозревая ее деятельность в первой половине 30-х гг., с уверенностью говорить о Н.И.Гаген-Торн как об исключительно перспективном, самобытном этнографе», — пишет А.М.Решетов³⁵.

Взлет идет стремительно. Задумано много. Больше всего ее интересуют бессермяне — вероятные остатки Великого Булгара. Хочется подтвердить это предположение фактическим материалом, нащупать связь с народом Болгарии. В апреле 1936 г. она пишет заявление в дирекцию Института: «Специально работая по вопросам этногенеза народов Поволжья, частью чего является моя работа "Очерк истории развития женской одежды Поволжья", на которую мною и заключен договор с ИАЭ, я просила бы дать мне возможность продолжить эту работу. Одним из наиболее темных и неисследованных вопросов в этнографии Поволжья является изучение бессермян. Между тем вопрос о происхождении бессермян и их культуры может служить одним из ключей в вопросе этногенеза всех народов Поволжья. Ввиду этого я просила бы дать мне возможность поехать летом 1936 г. на один-два месяца к бессермянам и заключить со мной договор на монографическую работу по бессермянам». Ее просьбу поддержал заведующий кабинетом Европы проф. Е.Г.Кагаров: «С научной точки зрения командировка т. Гаген-Торн в Поволжье для полевой работы представляется весьма желательной»³⁶.

Командировка состоялась. Нина Ивановна выехала в Поволжье. И сразу по возвращении — арест. «Надо сказать, что шел октябрь 1936 года, я только что вернулась из экспедиции и еще не представляла себе массовости, грандиозности этого явления, — вспоминает Нина Ивановна. — Больше удивляла бессмысленность пребывания в камере... Может быть, было чувство некоторого удовлетворения даже: с меня снимается ответственность за происходящее. Я уже не могу публично протестовать против глупости, против злобы. Ведь я была в Поволжье и видела хлеб, который нельзя есть человеку. А его ели целые деревни.

Потому что мне, как каждому этнографу, близко соприкасающе-муся с жизнью деревни, была ясна безмерность человеческих страданий, при помощи которых вводилась коллективизация, но совсем не было ясно — неужели необходимо так вводить коллективизацию: путем насилия, калеча жизни сотен тысяч раскулаченных, путем произвола, лжи и ненависти? Я не могла с этим согласиться»³⁷.

«Эра массовых репрессий только еще разгоралась, охватывая все новые слои населения, — продолжает она эту тему. — В 1929—1930 годах шли коллективизация и раскулачивание. Часто кулаками оказывались те, кто за 10 лет до этого, в 1918 году, был бедняком, сумел воспользоваться выданными государством землей и скотом, отобранном у помещиков, во время НЭПа завел крепкое, прогрессивно организованное хозяйство. Такие хозяйства в то время одобрялись и поощрялись! Но вскоре период НЭПа кончился. Началась эра коллективизации. Люди, имевшие крепкое хозяйство, пошли в ссылку как кулаки. Этот процесс охватил деревню. Горожане почти не знали о нем или не замечали его. Потом, в 1932—1934 годах, начались аресты в городе, но арестовывали в основном "бывших людей", организовывались процессы "вредителей". Их разоблачали, они давали против себя показания, уходили в лагеря, если не были расстреляны. Городская масса не представляла себе, что аресты могут коснуться и их. 1936 год охватил арестами уже все слои поголовно, прежде всего — партийцев. Это продолжало казаться многим каким-то недоразумением. Даже те, кто попал в тюрьму, долго считали это индивидуальным недоразумением, ошибкой. К осени 1936 года опасность осознала, пожалуй, только беспартийная верхушка интеллигенции. Она вступала в тюремные двери с грустным сознанием: выход отсюда вряд ли возможен. Человек брал с собой чемоданчик, прощался с семьей, хорошо зная, что это — на годы. На долгие годы»³⁸.

В камере на Шпалерной встретила Нина Ивановна с той, что стала ближайшим другом на многие годы — астрономом Верой Федоровной Газе. Оказалось, что они даже встречались раньше, на заседаниях Вольфины. А теперь спали рядом, а днем «сидя с ногами на нашей кровати, как на плоту, плыли в прошлое, четко примечая, чтобы нигде и ни в чем не сместилось у нас сознание. Перебирали нити в ткани культуры, которую знали... Вера Федоровна помнила наизусть почти всего "Онегина", всего "Демона"... И отходили от камеры бреды...»³⁹.

Допросы, карцер, опять допросы. Следователь требовал рассказать о контрреволюционной деятельности Н.М.Маторина. «Но ведь я ничего не знаю об этом. Маторин — член партии и

директор института, я — рядовой научный сотрудник, беспартийная. С какой стати он будет говорить со мной о чем бы то ни было, кроме научных тем»⁴⁰.

Она не подписала ни одного обвинения. Были бесконечные допросы, попытка бессонницей... А.М.Решетов добыл архивную справку из следственного дела. Она гласит, что, «будучи контрреволюционно настроенной, призывала к активной борьбе с ВКПб, указывая на необходимость террористических актов против руководителей ВКПб, и в первую очередь против Сталина. Вела активную контрреволюционную деятельность, направленную против партийного влияния в области этнографии, с целью отрыва советской этнографии от изучения нового социалистического быта народов СССР. Среди сотрудников Института вела антисоветские разговоры, распуская провокационную клевету о понижении материального благосостояния научных работников в СССР, т.е. в преступлении, предусмотренном статьями 58 — 10, 11 УК РСФСР»⁴¹.

25 мая 1937 г. Нина Ивановна была осуждена Особым совещанием при НКВД СССР на пять лет лагерей. Этап был труден и мучителен. «Был июль. Жара. Крыша столыпинского вагона накалилась, и мы лежали на нарах, как пирожки в печке»⁴². Люди просили и требовали воды. Объявили голодовку, заставили съехать с загаженной остановки. Этап длился бесконечно долго. Иркутская тюрьма. Опять этап. Вторая Владивостокская пересылка — городок дощатых бараков за колючей проволокой, с вышками часовых, прожекторами на вышках и часовыми с собаками на земле. В пересылке свирепствовала дизентерия. Люди мерли как мухи. «В нашем этапе мне удалось спасти многих, потому что мама моя — умница — умудрилась в последней передаче запечь в углях пирогов маленькие пакетики с кристаллами марганцовки. От отца я знала, что раствор марганцовки великолепно излечивает поносы... развела марганцовку и всех поила: ложку вишневого раствора два раза в день»⁴³. А затем новый этап — на Колыму, в трюме печально известного парохода «Джурма». Несколько месяцев в Магадане и — зимний этап на трассу.

О колымском периоде жизни записок не сохранилось. Есть только письма и стихи. Много стихов: писать запрещалось всегда, а стихи легче сохранить в памяти. И они дают выход для души. Даже те, кто раньше никогда не писал стихов, часто писали в лагерях. А Нина Ивановна всегда была поэтом. И еще: «Недаром знали шаманы, что ритм дает власть над духами... Стих, как и шаманский бубен, уводит человека в просторы "седьмого неба". Такие мысли, совершенно отрешенные от происходящего, давали чувство свободы...»⁴⁴.

Колыму прошла мужественно. Не теряя ни достоинства, что очень часто случалось с женщинами, ни острого глаза и слуха исследователя.

Была лесорубом, возчиком на быках и на лошади, пастухом, тепличницей. Эльген, Сеймчан, Ягодное, Мылга. Погоняли! Значит, была с характером. Помогали чувство прекрасного, любовь к природе. Суровая и прекрасная природа Дальнего Востока не пугала, а вызывала восхищение: яркие, быстро меняющиеся цвета закатов полыхали, звуча фугами Баха, восхищал пролет неисчислимых птичьих стай весной, многочисленные яркие, полные дуги радуг на дальних склонах. Все это звучало в стихах. Как и страшные ложные солнца в морозы:

...И смотрят два солнца застывших
С неба — пустыми глазами⁴⁵.

Быт лагеря, тяжелая работа возчика, нагружающего и везущего бревна для отопления бараков, кухни, для теплиц, — все это преломлялось в стихи. А некоторые ее стихотворения сами стали лагерным фольклором, который она изучала. Например. Нина Ивановна рассказывает о том, как «мужичище Орехов» — лесоруб на Колыме, попросил «вытвердить» ее стихи⁴⁶. Вот они:

Мы выходим на рассвете,
Целый день стоим с пилой.
Где-то есть жена и дети,
Дом, свобода и покой.
Мы о них давно забыли —
Только болью ноет грудь.
Целый день мы пилим, пилим
И не можем отдохнуть.
Но и ночью отдых краток:
Только, кажется, прилег
В мерзлом холоде палаток —
Уж опять гудит гудок.
И опять мы начинаем;
Режет ветер, жжет мороз,
В Колыме — я твердо знаю —
Сколько снега, столько слез⁴⁷.

«На Колыме, — рассказывает Нина Ивановна в неопубликованной статье о колымском фольклоре, которая хранится в моем архиве, — я прочла стихи дистрофикам, направленным в больницу с лесоповала... Ольга Журавлева, которая неподвижно лежала на нарах, без сил, подняла руки к лицу и стала плакать. Плача сказала: "Это правда, это все правда, именно так, как вы сказали. И оттого, что вылилось в стих, мне стало легче. Боль вышла из меня и не так давит. Я могу теперь плакать. Мне лег-

че"». Рассказы «Рукопись»⁴⁸ и «Пища шаманов»⁴⁹ безусловно отображают собственные переживания Нины Ивановны на Колыме.

Нина Ивановна всегда была духовно очень сильным человеком. И — оптимистом. В ее дневниках сохранилась запись о том, что соседка по нарам сказала: «Не могу рядом с ней спать — лежит и улыбается во сне». И наяву, сквозь боль:

Тихо пальцы опускаю
В снов синеющую воду.
Снег весенний в полдень тает,
Оседая — пахнет медом.
По лесам проходят тени,
Улыбаясь дальним склонам,
В неба колокол весенний
Солнце бьет широким звоном.
Я сижу, смежив ресницы,
В пальцах сны перебирая.
И душа — тяжелой птицей —
К небу крылья поднимает⁵⁰.

Крылья не опустились. Пересидев против положенного только один год (тогда, во время войны, почти всех задерживали «до особого распоряжения»), Нина Ивановна вернулась в 1942 г. «на материк», в село Чашу Курганской области, где была в ссылке ее мать. Работала в сельской библиотеке, преподавала историю, литературу и географию в местном молочном техникуме. В 1946 г. в Свердловске в журнале «Дружные ребята» был напечатан ее рассказ «Лето в лесу» под псевдонимом Н.Летаева⁵¹.

С великими трудами удалось вернуться к научной работе. 3 января 1946 г. она защитила в Институте этнографии АН СССР кандидатскую диссертацию на тему «Элементы одежды народностей Поволжья как материал для этногенеза», доработав чудом сохранившуюся у ее приятельницы рукопись подготовленной в 1936 г. диссертации. Материал не устарел, более того, он интересен и сейчас. Диссертация легла в основу изданной в 1960 г. монографии «Женская одежда народов Поволжья»⁵². Книга эта, кроме детального описания женской одежды мордвы, чувашей, марийцев, удмуртов, казанских татар, башкир и сравнения ее с одеждой тюркских народов и болгар, содержит часть, интересную и для более широкого круга читателей: описание и исследование головных уборов и их украшений. Автор рассматривает значение перемены головных уборов в свадебном обряде всех восточноевропейских народов, полемизируя при этом со своими учителями — Л.Я.Штернбергом и Д.К.Зелениным. Так, Л.Я.Штернберг, говоря об утилитарной в своей основе функции головных уборов, сам же приводит большое количество фактов,

Н. И. Гаген-Торн. 1942 г.

свидетельствующих об их религиозном и магическом значении. Д.К.Зеленин, считающий, что женский головной убор развился из утилитарной повязки, свидетельствует о значительном отличии девичьих и женских головных уборов, состоящем в том, что девичьи оставляют волосы открытыми, а женские строго закрывают их. Он считает это остатком закрывания лица, которое имело две причины: ревность мужа и оберег от злых сил. Нина Ивановна возражает: «Если бы причиной закрывания волос был оберег от чар вообще, то в таком обереге не меньше нуждается девушка, в особенности девушка-невеста, которая больше всего подвержена чарам и нападению злых духов. Однако невеста не закрывала волос»⁵³.

Женский головной убор рассматривается Ниной Ивановной как символ подчинения женщины. В приведенных в работе многочисленных описаниях свадьбы в разных районах и у раз-

ных народностей центральным эпизодом является перемена девичьей прически и головного убора на женские. После этого девушка уже считается мужней женой. Девичья прическа и головной убор кроме эпитета «девья красота» имеют еще эпитет «воля». «Так как главное отличие женского убора — закрытые волосы, следует предположить, что они-то и являются символом подчиненного положения... "Засветить волосом", т.е. выставить его наружу или пойти с непокрытой головой, — большой позор и грех. Открытые волосы женщины приносят несчастье и вред. Украинцы верили даже, что если замужняя женщина выйдет, не покрыв головы и не закрыв все до единого волосы, она навлечет неурожай, градобитие, падеж скота. Чуваши считали, что замужняя женщина, выйдя без головного полотенца, навлекает несчастье. "Опростоволосить" женщину... значило опозорить ее брак, из-за этого оскорбления на Руси бывали судебные дела»⁵⁴.

Девушки в Восточной Европе не только носили волосы открытыми, но и гордились ими: «Девичья коса — всему городу краса». А вера в магическую силу волос распространена по всему миру. Об этом написаны многочисленные работы. Широко распространены представления о связи волос с земледельческими обрядами. И в этом случае обряд совершают именно девушки. Материалы о почитании волос и признании их магической силы чрезвычайно велики. Бритье головы при этом является выражением подневольного состояния. Головы брили рабам. В XV—XVI вв. на Руси церковь вела борьбу с еретическими пережитками бритья головы замужним женщинам.

Таким образом, «женщина должна прятать волосы потому, что, входя в чужой род, она может повредить ему своей магической силой. С другой стороны, в более позднем осмыслении женщина должна прятать волосы потому, что это символизирует ее подневольное положение»⁵⁵.

Кроме детального описания женских и девичьих головных уборов и их орнаментации, автор рассматривает орнамент как таковой и его этнознаковую роль.

«Покрой одежды... создается в результате производственной деятельности и географических условий, окружающих человека. Орнаментировка, расцветка, вышивка одежды отражают идеологию общественной группы, их создавшей, они вызываются не производственными моментами»⁵⁶.

Исследуя орнаменты и их интерпретацию различными авторами, Нина Ивановна сетует на то, что при детальном описании самого орнамента мало внимания уделяется цвету, тогда как цвет в одежде и вышивке не случаен, а несет смысловую нагрузку и имеет магическое значение оберега. Общеизвестна символика

многих цветов, например, черного или белого как знака траура. У многих народов, начиная с палеолита, красный цвет — цвет оберега.

То, что возвращение в лоно Академии наук шло очень трудно, я знаю не понаслышке. Но все-таки сохранялись еще в Академии смелые и отзывчивые люди! Мама рассказывала (даже учитывая неизбежные в двойном пересказе богоразовские 25%, мне кажется это интересным), что на ее заявлении о восстановлении в Академии наук появились такие автографы: «Ходатайствую. Академик Вячеслав Волгин. Поддерживаю — академик Лев Берг, академик Глеб Кржижановский». Сергей Иванович Вавилов, бывший тогда президентом Академии наук, прочел и усмехнулся: «Осталось только подписать — академик Сергей Вавилов». Так произошло возвращение в Академию кандидата исторических наук Нины Ивановны Гаген-Торн!

Все, казалось, налаживается: работа, семья. В Фундаментальной библиотеке АН СССР была утверждена и принята к печати составленная ею этнографическая библиография на 12 печатных листов, вынесена благодарность и выдана премия за организацию выставки по фольклористике. Ближился Новый год, с новыми надеждами. Но 30 декабря 1947 г. прямо в библиотеке она была вновь арестована. Опять обвинения в антисоветской деятельности, чудовищные до абсурдности, крики, мат. «Мясорубка работала автоматически. Не было садистской романтики 37-го года, когда мы слышали сквозь стены приглушенные крики и стоны людей... Да и сами следователи изменились: в 47-м году это были уже не маньяки, не садисты и виртуозы, а чиновники, выполняющие допросы по разработанным инструкциям. На первом допросе майор орал и матерился потому, что ему было указано применять этот прием. И поэтому при неожиданном варианте — ответном мате пожилой интеллигентной гражданки — растерялся»⁵⁷. Обвинений она не подписала. Сидела в карцере, в боксе, где по указанию следователя выключалась вентиляция, пыталась объявить голодовку. На последнем допросе ей показали дело 37-го года — показания Н.Г.Ш. о нелегальных собраниях у нее на дому с целью объединить этнографическую молодежь против коммунистов, об антисоветских настроениях, нежелании заниматься современностью. Нина Ивановна возмутилась: если бы показали это в 37-м году, все обвинения было бы легко опровергнуть. Ей сказали, что это неважно — вы уже отсидели свой срок. Парадоксален вывод: «Вас тем необходимее изолировать — разве вы простите, что вам испортили жизнь? Ясное дело: вы стали врагом советской власти»⁵⁸.

Новый срок — пять лет лагерей, на этот раз ближних, Темниковских (станция Потьма, Мордовия).

Этап относительно легкий. В лагере вначале работала на агробазе, одно время была старостой барака, но за недоносительство попала на пять суток в неотопливаемый карцер, в самые морозы. Тяжело заболела, была отправлена в больницу, оттуда в полуинвалидный лагпункт. Работала на водокачке, вручную, двухведерной бадьей накачивая воду для столовой, бани, прачечной. По словам ее солагерницы К.С.Хлебниковой-Смирновой, Нина Ивановна была «конем». «Она говорила: "Конь — благородное животное. Хорошо быть конем!" (Несколько женщин впрягались в телегу летом, в сани — зимой и возили бочку с водой...) В сильный мороз женщины никак не могли опустить в колодец ведро. Сруб колодца очень обмерз, а колодец глубокий. Надо было опуститься на веревке вместе с ведром и топором увеличить прорубь. На такое дело решилась только Нина Ивановна... Смотреть было страшно, а Нина Ивановна работала спокойно и весело. Другой раз я видела ее сидевшей на обледенелом желобе, высоко над землей. Желоб был протянут между двумя домами — баней и прачечной — на высоте трехэтажного дома. Я... хорошо помню, как Нина Ивановна медленно едет, сидя верхом на желобе, и обрубает топором лед, чтобы пошла вода. Мы, глядя на нее, пугаемся, а она весело смеется. На 10-м лагпункте было много украинских больных девушек. Нина Ивановна устроила академию — занималась с девушками...»⁵⁹.

Прерываю воспоминания Хлебниковой, возвращаясь к ее собственным. Все началось с длительных стояний в строю во время проверок. Нина Ивановна читала стихи Алексея Толстого. Девчата жадно слушали. Потом это перешло в систематические занятия русской литературой, а затем и историей. Здесь на помощь тоже приходили стихи: Алексей Толстой, Державин, Майков, Пушкин, Лермонтов. Несколько девушек работали вместе с нею на водокачке. Все перекуры были занятиями. Девушек взяли из Львовской гимназии. Надо было, «чтобы мозги не заржавели». На следующее лето к занятиям прибавилась классическая музыка: бывшая певица Нина Аникиевна Мигуева, очень большой человек, потихоньку напевала арии из опер, романсы, рассказывала о музыке и композиторах. Мозги не заржавели. Знаю, что двое из девчат стали учительницами, окончили вузы. И еще: национализм у них если не исчез совсем, то значительно смягчился. Не «Киев у нас украли», а стало понятно, что Киевская Русь — родоначальница обоих народов-братьев, что «москальи» не враги, что русская и украинская культуры тесно переплетаются.

Книги то разрешали в лагере, то отбирали. Писать запрещалось всегда. Только однажды был такой краткий период, когда инспектировавший лагеря генерал разрешил Нине Ивановне вести записки. Но вскоре рукописи было велено сдать оперуполномоченному. Черновики она сохранила, но их обнаружили во время «шмона» и также передали оперуполномоченному. Но попался порядочный человек — оперуполномоченный Ликин (и такое, оказывается, бывало). Он с интересом прочел повесть и обещал не отправлять по инстанциям, а вернуть при освобождении. Слово свое сдержал, выслал по месту ссылки, в Красноярский край. Так сохранились повесть «С котомкой за плечами» и поэма о Ломоносове. Другой экземпляр этой поэмы удалось переслать из лагеря «налево», мне. Многие годы поэма оставалась неопубликованной, хотя ее высоко оценил такой авторитет в поэзии, как Борис Пастернак⁶⁰. Наконец, в 1996 г. была опубликована первая часть поэмы⁶¹.

По окончании срока — ссылка. Ссылка не была объявлена в приговоре, но из Потьмы, из Темниковских лагерей, всех отправляли в Красноярский край. Бессрочно. Привозили по этапу в Красноярскую тюрьму. Туда приезжали председатели колхозов и отбирали себе «рабочую силу». Опоздавшим доставался «бросовый товар» — старики и инвалиды.

Но все-таки ссылка — не тюрьма и не лагерь. Воздух, лес, возможность свободно передвигаться и — что для нее очень важно — первозданная красота Енисея, гор за рекой, тайги.

Дневниковые записи и письма оттуда, частично опубликованные в «Советской этнографии»⁶² и в книге «Memoria»⁶³, говорят о том, что не притупились острота и своеобразие мышления, не померк зоркий глаз этнографа. Она описывает быт и обычаи местного населения, ссыльно-поселенцев новой волны — немцев Поволжья и «людей нашего этапа». Это перемежается размышлениями о границе между историей и этнографией (первая пользуется в основном письменными источниками и, следовательно, записями людей «образованного класса», вторая берет глубины); это размышления о судьбах культуры, об образовании государств и наций, о Гоголе и культуре Украины. Она заканчивает «Котомку», пересланную из Темников, но иногда приходит в отчаяние от отсутствия нужных книг, научного общения, невозможности работать в полную силу.

Нина Ивановна получила от врачей освобождение от работы в колхозе, но возможности какого-либо другого, интеллигентного труда не было. Ссылка — бессрочна. И иногда подступало сознание обреченности:

Нет, я не знаю пока
Нужных звуков и слов...
Перед глазами — река
В белом покрове снегов.
Льдины неслись, шипя, —
Застывало от берегов...
Разве ты понял себя?
Знаешь — к чему готов?
Куда ты пришел и чем стал,
Жизни чертя края?
В белых снегах — провал —
Черная полынья⁶⁴.

Но воля и сила духа победили. И весной 1954 г., еще до массового возвращения ссыльных, после амнистии всем, имевшим срок не более пяти лет, Нина Ивановна возвращается. Сначала в Москву, ко мне и к бабушке, своей матери, а затем в свой любимый Ленинград, в родной Музей и Институт. «Приступила к работе 15 апреля 1955 г. Приятными, хотя и весьма запоздалыми событиями начался 1956 год: 23 января ВАК выдал ей диплом кандидата наук по защите 1946 года, а постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 17 февраля уголовное дело по статье 58 УК РСФСР от 25 мая 1937 г. ... было прекращено за недоказанностью виновности, и она была признана полностью реабилитированной»⁶⁵. Мне рассказывали, что мама, узнав, что это значительно убыстрит дело, привела в Прокуратуру Н.Г.Ш., давшую на нее показания, и та опровергла их.

С великим трудом был возвращен старый родовой дом (дача). Суд сразу и безоговорочно признал ее права, но дом был заселен многочисленными жильцами, ей освободили только одну комнату. Постепенно, с повторными судами, все образовалось: жильцы получили комнаты и квартиры, некоторые построились рядом. Появился Дом.

«Если охарактеризовать вторую половину 50-х годов в жизни Нины Ивановны Гаген-Торн, то кратко этот период можно назвать "жажда деятельности", — пишет А.М.Решетов. — Она активный участник заседаний отделения этнографии ВГО, выступает с научными докладами в других научных учреждениях»⁶⁶. В эти годы она публикует большую статью о болгарской одежде⁶⁷, статью о современном фольклоре⁶⁸, о болгарской фольклористике⁶⁹, большую статью о судебных флюгерах⁷⁰, рецензии на книги болгарских этнографов М.А.Попстефаниевой⁷¹ и М.Вековой-Телбизовой⁷², на труд С.В.Иванова об изобразительном искусстве народов Сибири⁷³. В 1960 г. выходит в свет уже упоминавшаяся выше ее основная монография о женской одежде народов Поволжья.

Н. И. Гаген-Торн. 1964 г.

В 1958 г. Нина Ивановна участвует в Ангарской экспедиции Института этнографии. И очень много работает над своими лагерными воспоминаниями и рассказами.

В 1960 г. она решила, что нельзя далее совмещать литературную работу, заботы о доме, воспитание приезжающих на лето внуков с графиком обязательного присутствия в Институте. Все, кому она читала отрывки из своих воспоминаний, хором твердили: «Вы обязаны записать все это». И она решилась — ушла на пенсию, что отнюдь не означало расставания с этнографией: уже после официального ухода на пенсию были написаны и опубликованы статьи об обрядовых полотенцах⁷⁴, о деревянной утвари⁷⁵, рецензии на книги Я.П.Прилипко⁷⁶, М.Велевой⁷⁷, Т.А.Крюковой⁷⁸, Н.Н.Ершова и З.А.Широковой⁷⁹, заметки о В.К.Арсеньеве⁸⁰ и Л.С.Берге⁸¹, воспоминания об Александре Блоке⁸², об Ольге Форш⁸³ и Виталии Бианки⁸⁴.

Большой радостью для нее был выход в свет ее книги о Л.Я.Штернберге⁸⁵. Книга, очень живая и образная, о жизни и

деятельности ученого в науке и в ссылке на Сахалине, где он впервые начал заниматься этнографией гилаков. Это настоящая книга ученика об Учителе. И не только. Это еще книга о том, как человек в тюрьме и неволе сохраняет вольный дух и мужество, как ссыльный народоволец становится выдающимся ученым и воспитателем целой плеяды исследователей.

А.М.Решетов пишет: «Этнографы нынешнего и будущих поколений будут признательны ей за прекрасную, написанную ярким языком книгу о Л.Я.Штернберге, но, очевидно, для них останется тайной, сколько душевных мук она перенесла, добиваясь ее издания»⁸⁶. Нет, почему же тайной, Александр Михайлович? Я знаю как «на ура» восприняли книгу в журнале «Советская этнография» и в Институте этнографии, какие раздавались хвалы и славословия, когда книга вышла. А выходила она трудно. Из издательства прислали рукопись директору Института академику Ю.В.Бромлею, чтобы просмотрели, нет ли какой-нибудь крамолы. Закладок — штук двадцать. Ученый секретарь и директор рассматривали их с автором. Речь шла о том, что книга хотя и интересная и нужная, но должна быть написана сугубо осторожно, ибо, как записала 18 января 1974 г. в своем дневнике Нина Ивановна, «Штернберг — еврей, и это уже обратило внимание на него "наверху" из-за той статьи Решетова и Полевого об отношениях Арсеньева и Штернберга: есть такая Аристова, она подняла склоку, доведя обсуждение их статьи до ЦК партии о неправильном возвеличении Штернберга в ущерб возвышению великого русского ученого и путешественника Арсеньева»⁸⁷.

Трудности возникли и в Ленинграде. Руководитель ленинградской части Института этнографии Р.Ф.Итс дал отрицательный отзыв, упрекая автора в преувеличении роли евреев в революционной деятельности народовольцев, а также в науке, в частности в этнографии. Д.А.Ольдерогге сказал тогда: «Нина Ивановна, не посраим российского дворянства, не дадим разыграться антисемитизму». Видимо, под давлением общественного мнения Итс взял свой отзыв обратно. У меня хранится письмо Р.Ф.Итса, адресованное Д.А.Ольдерогге и Н.И.Гаген-Торн с оправданиями, почему появился этот отзыв, с одобрением описания профессорской деятельности Штернберга и пожеланием сократить и переделать не нравящийся ему раздел о сахалинской ссылке.

Книга вышла. В ленинградском отделении Института ее читали все, «как роман». С.В.Иванов сказал: «Вы блестящий стилист, оказывается». В Москве было то же самое. Праздновали в «Советской этнографии». Все это окрылило автора. Но самым для нее главным в книге были, пожалуй, заключительные слова, как

бы клятва у гроба: «Лев Яковлевич, я хочу одного: чтобы моя жизнь шла прямо... Всегда прямо и непреклонно. Без всяких компромиссов. Как Ваша»⁸⁸.

В 70-е годы была задумана еще одна книга, о другом Учителе — Дмитрие Константиновиче Зеленине, человеку, которому многие поколения этнографов обязаны умением работать с материалами, скрупулезно и систематически подбирать факты, осмысливая их и делая логически безупречные выводы. Книга не была написана. Но в 1966—1971 гг. появились три статьи о Зеленине, созданные в соавторстве с А.И.Васиной⁸⁹.

В середине 70-х годов Нина Ивановна возвращается к мысли о написании такой книги: «Страшно увлечена идеей книги о Зеленине — дневники его очень интересны. Но очень сложный образ. Как его вылепить?» — записывает она в дневнике 31 июля 1976 г. Были и еще записи, в частности, противопоставляющие Н.Я.Марра и Д.К.Зеленина. Замысел книги не был осуществлен, но в 1979 г. появилась еще одна статья о Зеленине, уже цитирувавшаяся выше. Остановимся на этой статье, чтобы показать, как развивались мысли, намеченные в дневнике:

«Дмитрий Константинович сказал: "Я продолжаю придерживаться своей точки зрения, но вполне возможна и иная точка зрения. В науке разногласия полезны, даже необходимы — этим движется научная мысль..." Это был не только педагогический прием... это был метод работы: отстаивать свое мнение и с уважением относиться к чужому. В работах самого Зеленина обычно демонстрируется весь собранный фактический материал и только потом предлагаются выводы. Читателю предоставляется возможность соглашаться или не соглашаться с ними. В этом необычайная ценность работ Д.К.Зеленина»⁹⁰.

«Д.К.Зеленин был ученым удивительно последовательно и систематически расширявшейся тематики, — продолжает Нина Ивановна. — Она все шире и глубже охватывала важные для науки темы. Каждая последующая работа дополняла предыдущую в новом аспекте... В основе ее лежит четкая схема: начиная с историко-культурного обзора, Д.К.Зеленин переходит к развитию народного хозяйства, социальным отношениям и, наконец, к обусловленным ими обычаям, обрядам, верованиям. Выработав эту схему, ученый сохранил ее во всех работах»⁹¹.

Далее Нина Ивановна описывает, как была воспринята в советской науке основная работа Зеленина — монография о культуре восточных славян. Большинство этнографов оценили книгу как незаменимое пособие для всех изучающих культуру славянских народов, но очень авторитетный в те годы историк М.Н.Покровский счел ее проявлением великодержавного шови-

низма. Обвинение совершенно необоснованное, несерьезное. Суть же была в том, что авторы придерживались разных точек зрения на участие финнов в формировании русского народа. А далее была полемика с Н.Я.Марром... Зеленин и Марр обладали не только противоположными взглядами, но и разной системой мышления. Люди, слушавшие Н.Я.Марра, могли бы подтвердить очень характерное для него выступление: «То, что я говорил вам в прошлый раз, — неверно, на самом деле процесс складывается иначе». Для Зеленина такое выступление было немислимо. «Им было трудно понять друг друга. Poleмика осложнилась вмешательством людей, преследующих совсем иные цели»⁹².

Умер Д.К.Зеленин в страшном одиночестве, один в пустой квартире, с карандашом в руках.

А в жизни Нины Ивановны конец шестидесятых и семидесятые годы почти целиком прошли под знаком «Игоря». Параллельно шли доработка воспоминаний, рассказов, рецензии на прочитанные книги и статьи, но над всем довлело «Слово о полку Игореве». «Словом» она увлеклась еще в гимназии. И ее друг и учитель поэт-символист Андрей Белый считал «Слово о полку Игореве» альфой и омегой русской литературы. К «Слову» Нина Ивановна возвращалась неоднократно: когда преподавала литературу в Чашинском молочном техникуме, когда учила девушек-украинок в лагерях, во время переключек и во время работы на водокачке.

В шестидесятые годы, занимаясь связями русской и болгарской культур, Нина Ивановна, естественно, опять выходит на «Слово». На Бояна — имя, обычное для Болгарии, но не встречающееся на Руси, а также на «темные места» в «Слове о полку Игореве». «Дьски без кнѣса в моем тереме златоверхеем» и «дебрьски сани, несошаяся к синему морю» во сне Святослава — образы, совершенно непонятные для филологов, отчего текст считался испорченным — и понятные для нее, этнографа: сани и разобранный крыша — атрибуты похоронного обряда. И к другим «темным местам» подходит она нетрадиционно, исходя не из грамматики древнерусского языка, а из тех значений слов, которые сохранились кое-где в народных говорах. Так, «шелом» означает не только шлем или холм, но и защиту, и таким образом, «не за шеломенем еси» — «земля не защищена». А «кур» — корень в тюркских языках, означающий грань, черту — границу Тьмутарокани. Дальше — больше. С тем, что «Слово» отнюдь не «иройская песнь», как считали в прошлом веке, теперь согласны многие исследователи. Но почему же автор восхваляет Игоря Северского, начавшего поход на половцев в одиночку и тем самым усугубившего междоусобицы князей? Нина Иванов-

на пришла к выводу, что «Слово» построено на противопоставлении двух Игорей: Игоря Рюриковича, объединявшего Русь, ходившего на Византию (его воспевают Боян, певец первых князей), и Игоря Северского, «Игореви того внуку», т.е. потомка, о неудачном походе которого пишет «трудную повесть» автор «Слова», анализируя исторический процесс распада Киевской Руси⁹³.

С тем, что вся поэма представляет собой полемику двух певцов — носителя «наднациональной культуры», возможно болгарина, Бояна и автора «Слова», что следует говорить о двух певцах и двух Игорях, был не согласен Д.С.Лихачев, признающий, впрочем, что в тексте чувствуются два стиля. Спор с ним длился многие годы. Нина Ивановна сделала несколько докладов по «Слову». Однако Д.С.Лихачев, по словам Нины Ивановны, неодобрительно относился к их публикации, так же как к изданию научно-популярной книги на эту тему. Как видно из черновика ее письма А.П.Окладникову от 14 июня 1975 г., хранящегося у автора этих строк, Д.С.Лихачев написал в издательство, что «категорически протестует против издания в научно-популярной серии дискуссионных работ».

Все же Нине Ивановне удалось изложить свою точку зрения в нескольких публикациях: двух — в «Советской этнографии»⁹⁴, двух — в Болгарии⁹⁵, по одной — в журналах «Народна творчѣсть та этнографія»⁹⁶ и «Знание — сила»⁹⁷, наконец, самой большой — в копенгагенском журнале «Scanda — Slavica»⁹⁸.

Несколько подбодрило Нину Ивановну получение оттисков из «Scanda — Slavica». Оттиски разосланы. Д.С.Лихачев промолчал, но весьма благожелательно отозвался В.Н.Топоров. По словам Нины Ивановны, В.Н.Топоров сказал ей, что почтет за честь быть редактором ее научно-популярной книги о «Слове». Но «пробивать» издание книги не стал никто. Так и лежит.

В мае 1979 г. у Нины Ивановны возникла идея создать книгу об этнографических экспедициях 20—30-х годов, прежде всего о северных экспедициях. Начала с Г.Н.Прокофьева. «Какой огромный труд он проделал! Какая лингвистическая и этнографическая работа! И — все лежит без употребления, он умер с голоду в 1941 г. в Ленинграде. В Институте нет даже его статей в библиотеке, неизвестно, где его докторская диссертация», — записывает она в дневнике 14 июня 1979 г.

Нина Ивановна много работает с материалами Прокофьевых. Зрение ее почти восстановилось: редкий случай, когда после болезни кровоизлияние в сетчатку почти рассосалось. «О Боже, дай мне силы написать эту книгу. Книгу о том, как были брошены прощупать жизнь, еще не тронутую механическим светом XX ве-

ка, молодые души, — пишет она в дневнике 24 июня 1979 г. — Схема книжки такая. Как неуверенные ноты — отдельные поездки 1921—22 г. Речь Штернберга о значении этнографии. Короткий массовый сбор материала под командой Гринковой. Моя жизнерадостная болтовня от Мурмана до Приуралья. 1924—25 г. — поездка в Сибирь Нади (Дыренковой. — *Г.Г.-Т.*), Глафиры (Василевич. — *Г.Г.-Т.*), Прокофьева. На Дальнем Востоке Сергей Стебницкий строит школы и пишет буквари».

Читая дневники Г.Н.Прокофьева, аккуратно переписанные его женой Катей, Нина Ивановна возмущается и восхищается. Восхищена подвижничеством, двухлетней работой в тяжелейших условиях, тщательностью и скрупулезностью лингвистической работы. Возмущена прежде всего тем, что в дневниках его нигде не упоминается, что работал он не один, а с семьей, что рядом — мать годовалого ребенка, его жена — внимательный и умный исследователь, собравший и описавший большой материал по селькупскому шаманству. Нина Ивановна сетует, что Прокофьев, увлекшись изучением скрещения самодийских, принесенных с Алтая корнеслов с тем, что было получено от северных аборигенов, занимался преимущественно грамматикой языка. А наблюдать и схватывать живые явления шаманства, по видимому, не умел.

Но при всем различии характеров, психологии, восприятия, точек зрения на объект изучения, Нина Ивановна отдавала должное Прокофьевым, поэтому и занялась так тщательно его архивом, письмами, воспоминаниями Е.Д.Прокофьевой. В итоге была написана большая статья (раздел будущей книги). Частично, с сокращениями она опубликована в «Этнографическом обозрении» в 1992 г., через шесть лет после смерти автора⁹⁹.

Замысел книги созревает, обростает плотью. Название: «Тропы этнографов». От Прокофьевых, через шаманство, описанное Е.Д.Прокофьевой, переход к работам Н.Дыренковой (ее статьи, дневники, трагедия ее жизни — страшная волчанка, подхваченная на Алтае, гибель в блокадном Ленинграде). Далее намечалось рассказать о Сергее Стебницком, об Андрее Попове, Андрее Данилине, Юрии Крейновиче, Гале (Глафире Макарьевне) Василевич. Книжка должна была начаться речью Штернберга и закончиться его статьей «Об избранничестве в религии», как бы обобщившей материалы о шаманстве, собранные экспедициями 20-х годов. Очень важно, считает Нина Ивановна, «чтобы выступило вот что: этнограф не обязательно входит в культуру при помощи лингвистики, путь в нее не через слова людей, а через образ их мыслей» (запись в дневнике от 24 сентября 1979 г.).

Нина Ивановна собирает письма, разбирает дневники, разговаривает с оставшимися еще свидетелями и участниками экспедиций тех лет. Я видела у нее письма Ю.Крейновича и В.Цинциус, помню, как досадовала она, что полевые материалы Г.Василевич находятся в Сибири и соответственно почти недоступны для нее. Читает статьи и записи о шаманстве, много думает о нем как об одной из религий, о религиях вообще. «Бьют шаманские бубны, призывая духов. Шаманизм такая же религия, как мусульманство и христианство. Религия, застывающая пеной примитивного мышления. А задача каждой религии: установить связь между миром (мирами) духа и материей. И тот же экстаз молитвы (только в разных формах), молится ли шаман, призывая духов, пляшет ли дервиш во славу Магомета или истязает свою плоть монах, ища милости Христа. Кровь, кровь, кровь в поисках Духа. Это — страшно» (дневник от 24 декабря 1974 г.). А через две недели она записывает: «...Слишком многое налипло на церковное христианство, чтобы можно было к нему вернуться. Л.Толстой выдумал бесцерковное христианство по русскому образцу, Р.Штейнер — по немецкому. Но я не прилипаю сердцем ни к одному. А так сильна жажда веры, которая объяснила бы, как может существовать ужас мира и его безмерная жестокость».

Между тем заканчивалось восьмое десятилетие жизни. Книга, к сожалению, не была написана, опять резко ухудшилось зрение, на этот раз навсегда. Стала подводить память. Жить и в бытовом, и в творческом плане стало трудно. Ехать в Москву не хотела: «Не терплю ее, эту Москву», на самом деле не могла она быть бабушкой в семье. С января 1981 г. Нина Ивановна переехала в дом-пансионат Академии наук в Пушкине. Досадовала: хорошее обслуживание, никаких забот о быте, хорошая комната, приличное питание, красивое место — писать бы и писать. Но все хуже и хуже становилось зрение. Прибавились боли. Вероятно, мне следовало бы сделаться при ней секретарем, памятью. Не сделалась.

В это время Нина Ивановна закончила только небольшую заметку «Андрей Белый как этнограф»¹⁰⁰, записанную под диктовку студенткой, да начала писать «Повесть про повесть» — о том, как была написана «Котомка». А жить без творчества она не могла. Неоднократно приходила мысль о самоубийстве. Но она считала это непростительным грехом.

Умерла Нина Ивановна 4 июня 1986 г., на восемьдесят шестом году жизни. Отпели ее у Николы Морского и похоронили на «малой родине», в поселке Большая Ижора, среди родных сосен, недалеко от Финского залива, рядом с могилой матери.

Остались: старое деревянное родовое гнездо, две дочери, три внука, пять правнуков, три большие книги, 46 прижизненных и 35 посмертных публикаций, масса рукописей. И горький осадок от того, что человеку не дали совершить многое, на что он был способен.

¹ *Решетов А. М.* Репрессированная этнография: люди и судьбы. — Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5—6. СПб., 1994, с. 359.

² *Гаген-Торн Н.* У Финского залива. — Жизнь и творчество Виталия Бианки. Л., 1967, с. 131.

³ *Гаген-Торн Н. И.* «Бабий праздник» у ижор Ораниенбаумского района. — Этнография. 1930, № 3, с. 69—79.

⁴ *Гаген-Торн Н. И.* Memoria. М., 1994, с. 7.

⁵ Там же, с. 9.

⁶ *Успенский Л.* Записки старого петербуржца. Л., 1970, с. 235.

⁷ Там же, с. 287.

⁸ Там же, с. 288.

⁹ *Гаген-Торн Н. И.* Memoria, с. 14—15.

¹⁰ Там же, с. 16.

¹¹ Там же, с. 17.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 24.

¹⁴ Там же, с. 25.

¹⁵ Там же, с. 28.

¹⁶ *Гаген-Торн Н. И.* Вольфила. Вольно-философская ассоциация в Ленинграде в 1920—1922 гг. — Вопросы философии. 1990, № 4, с. 102.

¹⁷ *Гаген-Торн Н. И.* Memoria, с. 50—51.

¹⁸ *Гаген-Торн Н. И.* Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

¹⁹ Там же, с. 173.

²⁰ *Гаген-Торн Н. И.* Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы. — СЭ. 1971, № 2, с. 142—143.

²¹ *Гаген-Торн Н. И.* Memoria, с. 51—52.

²² *Гаген-Торн Н. И.* Д. К. Зеленин как педагог и ученый (ленинградский период). — Проблемы славянской этнографии (к 100-летию рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л., 1979, с. 46—47.

²³ *Гаген-Торн Н. И.* Свадьба в Салтыковской волости в Моршанском уезде Тамбовской губернии. — Материалы к свадьбе и семейно-родовому строю. Л., 1926.

²⁴ *Гаген-Торн Н.* Зверюшки работают. Стихи. Л., 1928.

²⁵ *Решетов А. М.* Репрессированная этнография, с. 360.

²⁶ *Гаген-Торн Н. И.* Этнографическая работа в Чувашской республике. — Сообщения ГАИМК. Т. II. Л., 1929.

²⁷ *Гаген-Торн Н. И.* «Бабий праздник» у ижор.

²⁸ См.: *Решетов А. М.* Репрессированная этнография, с. 360.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ *Гаген-Торн Н. И.* Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах Восточной Европы. — СЭ. 1933, № 5—6, с. 76—88.

³² *Гаген-Торн Н. И.* К методике изучения одежды. Поясные украшения. — СЭ. 1933, № 3—4, с. 119—135. См. также [рец. на:] *Шатилов М. Б.* Ваховские остяки. — СЭ. 1934, № 5, с. 122—125.

- ³³ Решетов А. М. Репрессированная этнография, с. 360—361.
- ³⁴ Гаген-Торн Н. И. Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый). — В сб.: Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988, с. 546—556; она же. — Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995, с. 347—357.
- ³⁵ Решетов А. М. Репрессированная этнография, с. 360—361.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Гаген-Торн Н. И. Memoria, с. 60.
- ³⁸ Там же, с. 66.
- ³⁹ Там же, с. 62.
- ⁴⁰ Там же, с. 59.
- ⁴¹ Решетов А. М. Репрессированная этнография, с. 361.
- ⁴² Гаген-Торн Н. И. Memoria, с. 69—70.
- ⁴³ Там же, с. 77.
- ⁴⁴ Там же, с. 109.
- ⁴⁵ Там же, с. 84.
- ⁴⁶ Гаген-Торн Н. И. О стихах. — Город у моря Охотского. Магадан, 1988, с. 57—60.
- ⁴⁷ Гаген-Торн Н. И. Memoria, с. 89.
- ⁴⁸ Гаген-Торн Н. Рукопись (Из колымских рассказов). — Память Колымы. Магадан, 1990, с. 21—31.
- ⁴⁹ Гаген-Торн Н. Пища шаманов. — Работница. 1993, № 4, с. 24—26.
- ⁵⁰ Гаген-Торн Н. И. Memoria, с. 85—86.
- ⁵¹ Летаева Н. Лето в лесу. — Дружные ребята. Свердловск, 1946, с. 60—80.
- ⁵² Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Материалы к этногенезу. Чебоксары, 1960.
- ⁵³ Там же, с. 142.
- ⁵⁴ Там же, с. 143.
- ⁵⁵ Там же, с. 150.
- ⁵⁶ Там же, с. 139.
- ⁵⁷ См.: Гаген-Торн Н. И. Memoria, с. 105—106.
- ⁵⁸ Там же, с. 117.
- ⁵⁹ Динарова З. Распятые (Писатели — жертвы политических репрессий.) СПб., 1993, с. 138—139.
- ⁶⁰ Публикацию отрывка из книги и письма Б. Пастернака см.: Ново-Басманная, 19 (альманах). М., 1990, с. 499—514.
- ⁶¹ Гаген-Торн Н. Начало пути (Ломоносов). — Белый пароход (альманах). Архангельск. 1996, № 1(7), с. 7—9.
- ⁶² Гаген-Торн Н. И. В ссылке на Енисее. — СЭ. 1990, № 3, с. 95—113.
- ⁶³ Гаген-Торн Н. И. Memoria, с. 361—398.
- ⁶⁴ Там же, с. 398.
- ⁶⁵ Решетов А. М. Репрессированная этнография, с. 362.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Гаген-Торн Н. И. Болгарская одежда (по коллекциям ленинградских музеев). — Сб. МАЭ. Л., 1958. Т. XVIII, с. 208—278.
- ⁶⁸ Гаген-Торн Н. И. Современный фольклор и литература. — Русская литература. 1960, № 2, с. 164—167.
- ⁶⁹ Гаген-Торн Н. И. Из истории болгарской фольклористики XIX века. — Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. III. М. — Л., 1958, с. 260—278.
- ⁷⁰ Гаген-Торн Н. И. Судовые флюгера «сорочки». — Сб. МАЭ. 1961. Т. XX, с. 75—83.
- ⁷¹ Гаген-Торн Н. И. [Рец. на:] Попстефаньева М. А. Македонски народни вязови. — СЭ. 1957, № 4, с. 176—177.

⁷² Гаген-Торн Н. И. Дослідження одягу банатських болгар. [Рец. на:] *Векова-Телбизова М. и Телбизов К. Народни носии на банатски българи.* — Народна творчість та етнографія. 1960, № 4, с. 164—167.

⁷³ Гаген-Торн Н. И. Труд об изобразительном искусстве народов Сибири. — Искусство. 1956, № 1, с. 74—75.

⁷⁴ Гаген-Торн Н. И. Обрядовые полотенца у восточных славян и народов Поволжья. К вопросу о происхождении оберега. — Българска Академия на науките. Известия на Етнографски институт и музей. 1963. Кн. VI, с. 279—290 (на рус. яз.).

⁷⁵ Гаген-Торн Н. И. Деревянная утварь Усть-Цильмы (по коллекциям ленинградских музеев). — Сб. МАЭ. 1963. Т. XXI, с. 65—77.

⁷⁶ Гаген-Торн Н. И. Вагомий внесок в етнографію. [Рец. на:] *Прилипка Я. Етнокультурні зв'язки болгар и східних слов'ян.* — Народна творчість та етнографія. 1965, № 1, с. 97.

⁷⁷ Гаген-Торн Н. И. [Рец. на:] *Велева М. Българска двупрестилчне носия.* — СЭ. 1965, № 3, с. 172—175.

⁷⁸ Гаген-Торн Н. И. [Рец. на:] *Крюкова Т. А. Мордовское народное искусство.* — СЭ. 1972, № 1, с. 190—192.

⁷⁹ Гаген-Торн Н. И. [Рец. на:] *Ершов Н. Н., Широкова З. А. Альбом одежды таджиков.* — СЭ. 1972, № 1, с. 179.

⁸⁰ Гаген-Торн Н. И. К столетию со дня рождения В. К. Арсеньева. — СЭ. 1973, № 2, с. 158—159.

⁸¹ Гаген-Торн Н. И. Лев Семенович Берг как этнограф. — ТИЭ. Нов. серия. 1977. Т. 104. Вып. VII, с. 133—137.

⁸² Гаген-Торн Н. И. Воспоминания об Александре Блоке. — Блоковский сборник. 2. Тарту, 1972, с. 444—446.

⁸³ Гаген-Торн Н. И. О встречах с Ольгой Дмитриевной Форш. — Ольга Форш в воспоминаниях современников. Л., 1974, с. 114—119.

⁸⁴ Гаген-Торн Н. И. У Финского залива, с. 131—137.

⁸⁵ Гаген-Торн Н. И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

⁸⁶ Решетов А. М. Репрессированная этнография, с. 361.

⁸⁷ В процитированной записи из дневника Н. И. Гаген-Торн, хранящегося ныне у ее дочери, речь идет о статье: *Полевой Б. П., Решетов А. М.* В. К. Арсеньев как этнограф. — СЭ. 1972, № 4, с. 74—87. — *Ред.*

⁸⁸ Гаген-Торн Н. И. Лев Яковлевич Штернберг, с. 229.

⁸⁹ *Васина А. И. и Гаген-Торн Н. И.* Дмитрий Константинович Зеленин (К 10-летию со дня смерти). — Известия ВГО. 1966. Т. 98. № 1, с. 67—70; *Гаген-Торн Н. И. и Васина А. И.* Д. К. Зеленин и его связь с эстонской наукой (По материалам личного архива ученого). — Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 184. Труды по русской и славянской филологии. 9. Тарту, 1966, с. 230—236; *она же.* Ретроспективный метод анализа в трудах Д. К. Зеленина. — ТИЭ. Нов. серия. 1971. Т. 95. Вып. V, с. 171—180.

⁹⁰ Гаген-Торн Н. И. Д. К. Зеленин как педагог и ученый, с. 47.

⁹¹ Там же, с. 53.

⁹² Там же, с. 57.

⁹³ Гаген-Торн Н. И. О двух Игорях древней поэмы. — Знание — сила. 1975, № 6, с. 44—45.

⁹⁴ Гаген-Торн Н. И. Некоторые замечания о «темных местах» «Слова о полку Игореве». (Заметки этнографа). — СЭ. 1972, № 2, с. 51—60; *она же.* Анимизм в художественной системе «Слова о полку Игореве». — СЭ. 1974, № 6, с. 110—118.

⁹⁵ Гаген-Торн Н. И. Новата книга за «Слово о полку Игореве». — Език и литература. София, 1972. Кн. 2, с. 104—111; *она же.* Боян — песнотворец български. — Български фолклор. Кн. 4. София, 1979, с. 14—29.

⁹⁶ Гаген-Торн Н. И. Думки з приводу сна князя Святослава у «Слові о полку Ігореві». — Народна творчість та етнографія. 1963, № 4, с. 100—104.

⁹⁷ Гаген-Торн Н. И. О двух Игорях древней поэмы.

⁹⁸ Гаген-Торн Н. И. О структуре «Слова о полку Игореве». — Scanda—Slavica. 1976. Т. 22, с. 65—79.

⁹⁹ Гаген-Торн Н. И. Прокофьевы в Яновом стане. — ЭО. 1992, № 4, с. 91—110.

¹⁰⁰ Гаген-Торн Н. И. Андрей Белый как этнограф. — СЭ. 1991, № 6, с. 87—91.